

Сергей Монастырский

Где-то там

18+

Сергей Монастырский

Где-то там

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Монастырский С. С.

Где-то там / С. С. Монастырский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Тихая моя родина... Где-то там, в этой тихой родине, живет наш герой.
Живет, как он считает, счастливым. Хотя ничего нет. И ничего не происходит.

© Монастырский С. С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

– Ну, какие тут новости, Глаш, – рассказывал Николай, сидя на лавочке у могилы жены, – сама знаешь, все новости – кто умер, кто родился...

Родить у нас не от кого, а умер ... ну, слава богу, никто не умер.

Баба Зина, правда, совсем плоха, так что – ни сегодня – завтра.

Это, я тебе сообщу. Впрочем, сама увидишь – где еще хоронить? Сюда принесут...

Деревья на семейном кладбище, грустно качали головами, плакали желтые осенние листья, осыпаясь под мелким октябрьским дождем. Было мокро и ветрено.

– Ладно, – сказал Николай, – пойду я. Ты уж прости, что недолго. Дождь идет. В другой раз поговорим.

Глаша умерла пять лет назад. Совсем можно сказать, молодой – было ей пятьдесят восемь лет. Николай приходил сюда часто. Во – первых, от непреходящей за эти годы тоски, а во – вторых, был это какой-то ритуал – поговорить с Глашей.

Поговорить можно было, конечно, и дома, но дома как-то ее не было – ушла она из дома.

А здесь – была. Не то, что при жизни осыпал Николай Глашу поцелуями и любовными словами – ну, может, только в период жениховства и первые годы после свадьбы, а так – не принято это было в деревне, да и говорили все больше на бытовые темы – дрова привезут, про огород, почему куры перестали нестись...

Но вот ушла Глаша, и Николай вдруг понял, что счастье в этом доме было, потому что они были здесь вдвоем.

Он так и не женился. Во-первых, не на ком, – вся деревня – восемнадцать домов. Во-вторых, наверное, все-таки это – во-первых, – не хотел быть ни с кем, кроме как с той, с которой прожил в этом доме всю жизнь и любая, кто оказалась бы в этом доме, была бы здесь чужой, непринятой.

Ну, насчет, «не на ком», было не совсем так.

Мужики, как правило, умирают раньше своих жен, и было здесь три вдовушки примерно одного с ним возраста.

Одна из них, школьная подруга, в которую он еще до Глаши, был тайно влюблен, пришла как-то:

– Коль! Что я тебе хочу предложить – давай сойдемся. Ты один, я одна, дети у нас в городе, редко приезжают. Ну, чего нам тосковать в пустых стенах?

Николай подумал и сказал:

– Не! Лично я буду и вдвоем тосковать в пустых стенах. Да и зачем нам? Ну, заходи на чай, на обед если хочешь. А вместе жить – нет!

Одноклассница долго и обидчиво молчала, потом сказала:

– Ладно. А сексом – то можно с тобой заняться? Замаялась я!

– Сексом можно, – сказал Николай. Он, правда, тоже замаялся. – Приходи тогда.

Иногда она приходила. Но и все. Ночевать ее Николай не оставлял.

... По скользкой от дождя тропинке, заполненной такими скользкими желтыми листьями, спускался Николай с холма, где было кладбище, к лесу, который разделял это грустное место и деревню...

В этом лесу Николай знал каждое дерево, знал, где растет какой гриб, где созревала первая земляника. Он жил тут с тех пор, как себя помнил, а мама рассказывала, что в этом лесу она его нечаянно и родила – схватки начались, и не смогла дойти до дома. И в этой деревне он прожил всю жизнь. Глаша, как –то в шутку, спросила:

– Коль! Если вдруг в старости ослепнешь, ну будешь плохо видеть, сам сможешь по лесу гулять?

– Запросто, – ответил Николай, – на ощупь по березкам тропинку найду.

Как –то она для проверки завязала ему глаза, он и, правда, шел правильно.

... Вот и дом. Не было в их деревне вокруг домов никаких металлических заборов, не от кого закрываться, одни палисадники, с набухшими сейчас от дождя георгинами.

Не было в их деревне до сих пор и дачников, по случаю плохого подъезда, а осенью и весной вообще непроходимого, и по случаю отсутствия газа.

Хотя всего триста километров от Москвы. Для Москвичей – не крик!

Но нет, слава богу – не было. Слава богу, потому что, как сказал Николай, как жила деревня всю его жизнь просто, незатейливо до того просто, что казалось что то, что показывают по телевизору – это было будто на другой планете.

Нет, ни тогда, когда ему было тридцать, ни тогда, когда была перестройка, и его деревенская жизнь, казалась, по сравнению с этой будущей страной, какой-то отсталой дырой, не хотелось ему отсюда уезжать.

Он любил свою жизнь, свою деревню, и Глаше, было здесь уютно и спокойно. Да, бедновато. Но, они никогда богато и не жили. Да и что считать богатством?

Еды с огорода, да с куриного необременительного хозяйства хватало. Раньше, когда был колхоз – с зарплаты хватало на продукты и немудреную одежду из магазина. А когда колхоза не стало, он развел пчел, что тоже необременительно, продавал заезжим оптовикам по дешевке мед, и тоже на магазин хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.